

Александр Никифоров
Негасимая лампада памяти

18+

Александр Никифоров
Негасимая лампада памяти

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Никифоров А. Е.

Негасимая лампада памяти / А. Е. Никифоров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Стоящая в стороне от большаков, затерянная на краю хвойного леса, с трех сторон, зажата озером, маленькая русская деревня, не имела никакого стратегического значения, ни для немцев, ни для своих. Не зная истинного положения дел, она затихла в ожидании... Когда подсохла единственная, соединяющая деревню Борок, с остальным миром, дорога, на большой серой машине и мотоцикле, в ней появились враги...

*«НЕТ БОЛЬШЕ ТОЙ ЛЮБВИ, АЩЕ КТО
ПОЛОЖИТ ДУШУ СВОЮ ЗА ДРУГИ СВОЯ»
ИН 15:13*

В каждой русской семье есть заветная шкатулка с самым драгоценным содержимым. Нет, не с драгоценностями, нет. Эта шкатулка хранит память...

Память для нас, живущих сейчас, память для тех, кто будет жить после. Пожелтевшие от времени, распадающиеся на сгибах листки фронтовых «треугольников» – писем, написанные простым или химическим карандашом. Документы из прошлого века, за каждым из них события, малая толика жизни родного человека.

Фронтовые письма деда и дяди. От деда небольшая стопка, схваченная тесемкой, которой ее в первый раз, перевязала моя бабушка. От дяди всего четыре. Он ушел на фронт в октябре 42, а в январе 43 «пропал без вести».

«Мама, пишу на спине друга, костер слабо светит, извини за корявые строчки. Скоро пойдем в наступление, освобождать Ленинград»...

Из неизвестности, через 70 лет, его вернут поисковики. Вернув для всех, честное имя русского солдата, исполнившего свой воинский долг, на объятom пламени пути к окруженному Ленинграду. Для всех, кроме нас, которые всегда это знали.

Аккуратно отложив в сторону дряхлые от времени листки, достаю из глубин шкатулки награды и раскладываю перед собой на столе.

«Материнская слава 3 степени» – орден моей бабушки, за семерых детей.

Два «Красной звезды» – моего деда, деда, прошедшего три войны, которому посчастливилось вернуться домой и с последней войны Отечественной...

Медали «За оборону Ленинграда», «За Победу в Великой Отечественной войне»...

Медали не все. Будучи сопливыми пацанятами, мы вешали их на свои, тысячи раз, стиранные рубашки, а то и на майки, «награждая» ими самих себя в бесконечных детских «войн ушках». В этих игрушечных «битвах», получая синяки и ссадины, в пылу потасовок, мы теряли их. Ругали нас бабушки и мамы. Деды и отцы никогда. Когда мы заплаканные, огорченные потерей, и страхом перед наказанием. Набравшись смелости, признавались в этом, успокаивая, они, ласково гладили наши бесшабашные стриженные под «ноль» головы, а сами как – то уходили в себя, задумчиво глядя вдаль...

Мы не смысленные еще, не понимали их взгляда, в котором сквозило былое, – не до конца выстраданная боль, не выплаканные потери однополчан...

Их давно нет с нами. Наших пробитых, опаленных насквозь войной дедов и отцов. Но мы застыли, их живыми, вернувшихся с войны, солдат, преградивших дорогу врагу в первые месяцы войны, и встретивших победный майский салют 1945 года.

Мы их внуки и сыновья обязаны сохранить память. Память о разрушающей, попирающей все человеческое войне. Кто был на войне, о ней не кричат. Они хранят ее в себе. Вспоминая о прошедшем пути, только с такими, как они, фронтовиками. Но из коротких обрывков разговоров, из редких, случайно оброненных фраз, мы пытаемся найти, восстановить их следы на суровых, жестоких дорогах Великой Отечественной войны...

2

Младший лейтенант, внутренне волнуясь от предстоящей встречи, одернул гимнастерку.

Привычными, отработанными движениями расправил складки под ремнем, сгоняя их назад. Ребром ладони проверил правильность посадки фуражки. Легонько стукнул в дверь, переступив порог, громко спросил, – Разрешите?

– Да, проходите, – разрешил, сидящий за столом военный с тремя эмалевыми «шпалами» на петлицах, захлопнув лежащую перед ним пухлую папку.

– Товарищ капитан госбезопасности, младший лейтенант, – начал доклад вошедший.

– Садитесь, – не дал договорить ему тот.

Младший лейтенант прошел к столу и присел сбоку на краешек стула.

– Курите? – то ли спросил, то ли разрешил хозяин кабинета, подвинув ближе к младшему лейтенанту, пачку папирос, с изображением скачущего по горам джигита.

– Я не курю, товарищ капитан госбезопасности, с напряжением в голосе ответил тот.

– Хорошо, что не курите, а я вот, – капитан достал из коробки папиросу, постучав мундштуком по джигиту, закурил.

– Вы же из пограничников, лейтенант? – выпустив дым, после глубокой затяжки спросил он.

– Так точно, товарищ капитан госбезопасности, – вскочив, со стула и вытянувшись ответил тот,

Полтора года прослужил на заставе. Оттуда, направили на курсы командного состава.

– Прекратите, как кузнечик скакать, не на плацу. Сядьте и слушайте, – рассерженно сказал хозяин кабинета.

– Заслужил, если отправили, – сказал капитан, когда младший лейтенант сел, – задание у меня вам лейтенант. Вы же в двенадцатом полку разведвзводом командуете?

Младший лейтенант дернулся на стуле, но вспомнив предупреждение капитана, остался сидеть.

Не дожидаясь ответа на свой вопрос, капитан продолжил, – местные во взводе есть?

– Так точно, мой заместитель, старшина Степанов Петр Степанович.

– Еще лучше, – сказал капитан, – плутать не будете, побыстрее дойдете. А теперь слушайте приказ –

Сегодня, до конца дня, подобрать разведчиков, я думаю, с вами, еще троих. Проводником пойдет старшина. А теперь лейтенант, смотрите внимательно, постарайтесь не пропустить мелочей,

– капитан достал из ящика стола карту, освободив место на столе, развернул ее.

Младший лейтенант встал со стула, и, оперев руки на стол, наклонился над картой...

– Мамка, а когда немцы уйдут, – спросил у Тайи, которую все в деревне называли Таисией, сидевший на корточках перед топкой печи, пятилетний сынишка Колька, – ведь они уйдут, сразу тятя с братиками вернуться?

– Вот они их сынок и прогонят. Прогонят с нашей земли, и сразу домой придут, – погладила Таисия сына по голове. Прошептав, – храни вас господь, – перекрестилась на иконы, висевшие в красном углу в глубине комнаты.

– Мама, а бог поможет? – спросил сынишка, – ты вон каждый день молишься, а их все нет и нет.

– Поможет, сладкий мой, обязательно поможет. Много только нас у него, вот и помогает он, сегодня одним, а завтра другим. Дойдет очередь и до братьев с отцом, дойдет, – ответила она.

– А давай и я, буду вместе с тобой молиться, может очередь до них побыстрее дойдет? Когда мы вдвоем-то?

– Конечно быстрее, если вдвоем? – от нахлынувшего чувства она крепко прижала Кольку к себе.

– Фюллера бы их него убить, – шмыгнув носом, мечтательно сказал сынишка, – сразу бы война кончилась.

– Сама бы его, своими руками задавила, – подумала Тайя, – сколько горя от этого изверга.

Глядя на мелькавшее пламя в печи, сами собой нахлынули воспоминания...

В первый месяц войны, осиротели избы, откупившись мужиками, пригодными сгореть в пожирающем пламени войны. А уже по крепко вставшему «зимнику», ушли трое подростов для рати парней, да двое мужиков, уже вышедших из годного возраста, но упрямых и злых от чувства мести, за погибших своих сыновей.

3

Стоящая в стороне от большаков, затерянная на краю большого лесного массива, с трех сторон зажатого озером, небольшая русская деревня в двадцать дворов, не имела никакого стратегического значения ни для немцев, ни для Красной армии. Не зная истинного положения дел на фронтах, она замерла в ожидании...

Декабрьской ночью на противоположном берегу озера, где походила железная дорога, загрохотало, в темном небе заиграли отсветы пожара. Напуганные шумом бабы, ребятишки, да пара стариков, выбежали на берег озера, и долго тревогой смотрели на освещенный пожаром берег. Весь следующий день над тем берегом клубился дым, а потом все стало прежним, и деревня вернулась в свое привычное тревожное ожидание...

Когда подсохла единственная проезжая дорога, соединяющая деревню Борок с остальным миром, на большом крытом грузовике и двух мотоциклах в нее въехали враги.

Два мотоцикла встали по краям крыльца сельсовета. Сидевшие в колясках солдаты, приложили к плечам стальные приклады пулеметов. Приникли к прицелам, направив стволы в дырчатых кожухах вдоль единственной улицы деревни.

Раздалась команда на незнакомом языке. Из кузова посыпались люди в полу гражданской одежде с белыми повязками на руках, следом за ними неторопливо слезли два солдата. Хлопнула дверца кабины, давая дорогу высокому в ладно сидевшем на нем мундире, офицеру.

Он что-то негромко сказал, подбежавшему к нему солдату. Тот вытянулся перед ним в готовности исполнять. Офицер кивнул головой. Солдат быстро пошел к кучке людей с белыми повязками. Жестикуюлируя, толкая их, построил в одну шеренгу. Сам и еще один солдат встали по бокам.

Офицер подошел к шеренге. Брезгливым взглядом окинул небритые физиономии полицейцев. Засаленные белые повязки на рукавах, пиджаков. Подозвал к себе молодого человека в черном мундире, из экипажа первого мотоцикла. На немецком переговорил с ним, и внимательно смотря себе под ноги, обходя коровьи лепешки, поднялся на крыльцо сельсовета.

Человек в черном мундире встал перед шеренгой и четко проговорил, – Господа полицейские, ваша задача в течение получаса, собрать перед сельсоветом всех жителей деревни. Исполнять!

Шеренга мгновенно распалась, с десятков полицейских устремились к домам жителей.

Деревню накрыли крики, плач, ругань полицейских зарвавшихся в своем рвении. Говорили они русским языком, и уже одно это вызывало отчуждение местных – нормальное чувство нормального человека на ненавистного прислужника врага.

«Белые повязки» грубо рвали двери изб, не спрашивая переступали порог. Матерно ругаясь, тыча стволами винтовок, выгоняли домашних на улицу. Поторапливали, подталкивая прикладами в спину, гоня горстку жителей к сельсовету.

Согнанные на утоптанной годами, земляной пяточкой возле сельсовета, деревенские с интересом разглядывали солдат чужой армии. В серых, коротких мундирах, с винтовками в руках, а один держал даже странный с «бородкой» на конце ствола автомат. Солдаты не сводили настороженного взгляда с сельских жителей.

Согнав народ, половина полицейских снова пошла, по деревне. Они открывали ворота хлебов, выгоняя скотину на улицу. Мычали коровы, которых вытаскивали за спешно привязанные

к рогам, найденные тут же веревки. Визжали, заталкиваемые в мешки поросята. Блеяли овцы с козами. Метались, кудахта куры, поднимая крыльями пыль, стараясь уклониться от жадных, цепких рук преследователей.

То тут, то там стучали выстрелы, прекращающие злобный захлебывающий лай собак...

Один из стариков, еще крепкий на вид дед, стоящий сбоку, увидев, как тащат за рога, упирающуюся всеми четырьмя копытами его корову, оттолкнул немецкого солдата, стоящего перед ним, – Не троньте ироды, кормилицу мою, – бросился он к корове.

Молодой немец, которого оттолкнул дед, сделал шаг вперед, и заученным движением, на коротком взмахе, стукнул его прикладом по голове. Сельчане ахнули, увидев, как словно споткнувшись, медленно падает, перед ними дед.

Убрав за спины, стоящую, впереди, любопытную детвору прижимали их к себе.

Пропало любопытство к происходящему, его место начал заполнять страх.

4

Страх, объяснение которому был лежащий в пыли, их односельчанин, с проступившим, через седину волос кровавым пятном.

От вида упавшего деда, от прощального рева скота, у людей обрывались последние надежды, на то, что незваные «гости» не просто заглянули к ним, а останутся надолго.

Вернулись полицаи, перестреляв деревенских собак, загнав остальную живность на скотный двор. Они в отличие от немцев, держали винтовки за спинами. Смеялись, что-то жевали. Переговариваясь между собой, осматривали деревенских, отмечая взглядом молодых женщин, девушек. Найдя, тут же обсуждали их достоинства, сами при этом, не отводя глаз. С сальной улыбкой, подмигивали, той, за которую зацепился взгляд. Те, на кого они положили взор, старались скрыться за спинами других, если это не удавалось, опускали голову, смотря перед собой.

– Таисия, а ведь это Митька, Митька Николаев вроде, из Забродья, ну– ка посмотри. Не признала?

– толкнула женщину, стоящую впереди, подруга Шура, – да точно он, а то я думала, что обозналась. Туда вон смотри, видишь, боком к нам стоит.

– Я давно на него смотрю. Знакомое вроде лицо, а вспомнить где видела, никак не могу.

– А теперь вспомнила? – не унималась Шура, – он же с нашими мужиками на войну уходил.

– Так он чего, выходит теперь, немцам служит? – ахнула Таисия.

– Видишь, же повязку нацепил, прихвостень фашистский, – развеяла ее сомнения подруга.

Таисия пристальней взглянула на предателя, тот почувствовав взгляд, встретился с ней глазами.

Сразу же отвел взгляд, в сторону, видно, нутром почувствовав, что его узнали.

На крыльце сельсовета появился мужчина в черной форме. Подозвав к себе полицаи в сером костюме, на голове которого красовалась фетровая шляпа, сказал ему несколько негромких фраз.

Тот быстро сбегал с крыльца, подошел к весело болтающим между собой полицаям. Те, прекратив разговор, уставились на него.

– Ну чего, Тарасович, тебе этот толмач нашептал? – спросил его высокий белобрысый полицаи.

– Все, кончайте базарить, сейчас заместитель коменданта выйдет, – ответил мужчина в сером костюме.

Мужики с белыми повязками на рукавах, прекратили говорить, поправили за плечами винтовки.

Видя эти приготовления, затихли и местные, с тревогой смотря на дверь сельсовета. Раздалась команда на немецком языке, стоящий на крыльце солдат, широко распахнул дверь.

Держа ее открытой замер.

В проеме двери появился немецкий офицер, переступая порог, пригнулся, придерживая фуражку с высокой тульей. Подойдя к перилам крыльца, положив на них руки в кожаных перчатках, оглядел собранных внизу людей. Им, смотревшим на него снизу, он в высокой фуражке, увеличивающей рост, казался невероятно длинным.

– На гусака похож, – прошептала своей, рядом стоящей подружке, девчушка лет семнадцати.

– Ага. А если еще и зашипит. Ну, вылитый гусак, тетки Клавы, – хихикнула та в ответ.

– Тихо, – прервала их, стоящая впереди старушка в черном платке, – не приведи господи, беду накликать.

Выждав пару минут, к офицеру подошел, человек в черной форме, на этот раз с жестяным рупором в руках.

Офицер, посмотрев на него, небрежно кивнул головой. Молодой голос, усиленный рупором, прозвучал над деревней, – Крестьяне! Слушайте внимательно! Сейчас господин немецкий офицер расскажет вам о великих победах доблестной немецкой Армии!

– Вот подлюка, по-русски, шпарит, – зашептала сзади Таисии Шура, – видать тоже на вроде Митьки, такая же змеюка подколотная.

Таисия, боясь, что на нее разговаривающую, обратят внимание, промолчала.

Офицер, не меняя своего положения, что-то говорил, подобострастно слушающему его, мужчине с рупором. Выслушав, тот опять приложил к своим губам рупор,

– Господин офицер говорит, что великая немецкая армия, навсегда освободила вас от коммунистов и комиссаров.

5

В благодарность за это, вы все должны хорошо трудиться на благо великой Германии, которой скоро будет принадлежать весь мир. Мы поможем вам установить в этой деревне новый порядок, – переводчик повернулся к офицеру, ожидая продолжения.

Но тот, не обращая на него внимания, махнул рукой, подзывая к себе, кого-то из шеренги полицаев. На крыльцо, снова поднялся мужчина в сером костюме и шляпе, которую он тут же сдернул с голову, приблизившись к немцу. Офицер, указав ему место рядом с собой, наконец-то удостоил вниманием переводчика, быстро что-то сказав ему на своем языке.

– Господин офицер говорит, что стоящий с ним рядом человек, это ваш староста. Все что он прикажет вам, должно исполняться беспрекословно, иначе всех вас ждет суровое наказание.

Закончив перевод, тот опять повернулся к офицеру, но тот в сопровождении автоматчика, пошел к ступенькам крыльца. Спустившись, вместе с присоединившимся к нему, солдатом, у которого на обшитых белой тесьмой погонах, внизу красовались по звездочке, направился в сторону столика с двумя стульями, поставленного между двух берез, недалеко от сельсовета.

В тумане еще густой рассветной дымки, на стороне противника загрохотал «МГ». Командир приподнял вверх ладонь. Группа, повинуясь команде, замерла, прижавшись к земле. Светлячки трассеров, бледно – голубоватые в тумане, обозначили вдоль переднего края, запретную черту.

Выплюнув, рассчитанную на эту строчку, партию патронов, пулемет замолк. Опять опустилась тишина, разбавляемая только шипением осветительных ракет, бесполезных в таком тумане.

Круговое движение ладони. Начало движения...

Оставляя на коричнево – черной, перепаханной снарядами земле, гладкие полосы от пропитанных насквозь влагой, мокрых маскхалатов, группа не замеченной пересекла передний край, и углубилась в молодой ельник, растущий на окраине леса. Пригибаясь, пробежали еще с полкилометра, и только тогда остановились, за огромным корневищем, вывороченной буреломом сосны.

– Алексей, Санька, в охранение. Старшина, подойдите ближе, – полупшепотом приказал командир, доставая из-под маскхалата сложенную в несколько слоев карту. Развернув, присел, уместив ее на коленях.

– Вот оно Городище, – ткнул он в точку, за извилистыми очертаниями озера, – До него отсюда километров шестьдесят. На все про все у нас три дня. Вы, местный, Петр Степанович, что скажете?

– Если, командир, напрямки идти, верст через двадцать в Ходыньское болото упремся. Через него ходу нет, гиблое место, топь. Обходить его, как раз три дня и будем, – ответил мужчина за сорок лет, самый старший по возрасту в группе.

– Это болото? – спросил младший лейтенант, обведя пальцем заштрихованное место на карте.

– Оно и есть, – кивнул старшина, – по краю ходят, а чтобы вглубь ни-ни, топь кругом.

– Что предлагаешь, Петр Степанович?

– Я думаю, надо через деревню идти. От нее к Заозерью, по берегу тропка нахожена, а там и до Городища, самая малость, останется, – предложил старшина.

– На карте покажите, – попросил командир.

– Да с картой – то я командир, в больших приятелях не хожу, – засмутился Петр Степанович, – я и так проведу. Места знакомые.

– Смотрите, мы вот здесь, – ткнул младший лейтенант в карту, – вот Городище. Как пойдем? Я же не просто так спрашиваю. Случись что с вами или со мной, ребята все равно дойти должны.

– Через Борок, командир, деревню мою. Иначе долго кружалами ходить будем, – сопя от усердия, указательным пальцем с вогнутым внутрь ногтем, провел старшина линию до Городища.

Офицер, проследив за его пальцем, подозвал остальных разведчиков.

– Вот наш маршрут, – прочертил он карандашом маршрут группы, – внимательно смотрите и старайтесь запомнить.

– А идем – то зачем? – спросил Санька, с виду совсем мальчишка, самый молодой в группе, поправляя на груди немецкий автомат.

– Задачу поставлю, как подойдем ближе, – ответил офицер, – путь запоминайте. Дойти нам туда надо за три дня.

– Ни, фига, себе, – присвистнул Санька, – не ближний свет? Успеем ли?

6

– Он еще сомневается. Как это не успеем? Нам командование доверило, и доверие мы оправдаем. Ведь так, командир? укоризненно покачал головой Алексей, разведчик, чуть постарше Саньки.

Младший лейтенант, недовольно поморщился на эти слова, но промолчал.

– Конечно, оправдаем, куда мы денемся, – с усмешкой ответил Санька, – а не оправдаем, первый и доложишь. Тебе это дело по нутру.

– Командир, да скажи ты ему, что не стучал я на него, – попросил Алексей.

– Вы если сейчас не угомонитесь, то я сам по вам постучу. Меньше у штаба за связистками надо подглядывать, тогда и особист, вызывать не будет, – пригрозил спорящим старшина.

– Да не подглядывал я, – начал оправдываться Санька, чувствую, как начинают гореть уши.

– Кому ты рассказываешь? Весь шоколад трофейный в штаб перетаскал, – сказал Алексей.

– Прекратить разговоры, – оборвал их перепалку лейтенант, – приготовились к движению. Идем к Петру Степановичу в родовое гнездо. Смотреть в оба.

– Да, какое там гнездо, командир, – усмехнулся старшина, – небольшая деревня, лесная.

– Все. Вперед. Первый старшина, я за ним. Замыкает Санька.

Разведчики, как в проем двери, шагнули меж лап двух могучих елей, пропав в лесном зеленом океане...

Мужчина в сером костюме, положил шляпу на перила крыльца, рукой пригладил светлые волосы. Переводчик протянул ему рупор. Подождав пока, тот спустится с крыльца, он пару раз кашлянул, прочищая голос. Приставив рупор к губам начал говорить, -

– Великая германия, ее непобедимая армии, принесла нам долгожданное освобождение от коммунистического ига, от тирании комиссаров и жидов. Мы поможем ей установить в России новый порядок, порядок при котором, каждый из вас будет не рабом, а человеком. Я ваш староста, назначенный на этот пост, немецкой администрацией. Я человек образованный, и поэтому давно понял, какое большое и светлое будущее ждет нас с приходом на нашу землю, представителей великой немецкой нации. Зовут меня Остап Тарасович, но вам, следует называть меня, господин староста, – сказал он с легким украинским оттенком.

– Перед нами стоит много задач. Но первая и главная из них, это помочь великой германии, ее гениальному вождю Адольфу Гитлеру, в строительстве нового мира. И эту задачу мы выполним.

Вот приказ коменданта нашего района, – продолжил он.

Сунул руку за отворот пиджака, достал сложенный вчетверо листок, аккуратно развернул его. Держа его одной рукой, почти у раструба жестяного рупора стал читать, -

– Приказ коменданта района от 20 марта 1942 года. Для населения района вводится обязательная трудовая повинность. Трудовой повинности подлежат мужчины и женщины с 15 – ти полных лет...

Переводчик за спиной офицера, переводил слова старосты, тот время от времени одобрительно кивал головой.

...– К трудовой обязанности относятся также представление рабочего инструмента и повозок с лошадьми, как и других средств передвижения. Лица, отказавшие или отказывающиеся от порученной им работы, независимо от кого – бы не исходило это поручение – непосредственно от Командования германской армии или гражданской администрации, будут привлечены к ответственности, как за саботаж, и караемы, при отягчающих обстоятельствах смертной казнью,-

закончив читать, староста поставил рупор на перила рядом со шляпой. Бережно сложил листок приказа и аккуратно убрал его во внутренний карман пиджака. Погладив, по тому месту, куда он положил листок, староста опять взял рупор, – Немецкое командование оказывает высокое доверие тем, кто будет стремиться помогать великой Германии, а для них это еще и хорошая школа для будущих свершений. Немецкая цивилизация научит их труду свободного человека, а не принудительному труду под плетью комиссаров. Вас ждут прекрасные условия труда, о которых вы даже не мечтали. Многие тысячи уже добровольно согласились работать на великую Германию, особенно молодежь. Это и понятно, у них вся жизнь впереди. В нашем районе так же многие изъявили такое желание, в благодарность немецкой армии, за то, что она освободила нас от ярма коммунистического режима.

Мы не должны быть хуже, мы должны быть лучше. Пока такой шанс есть у молодежи, я призываю всех, кому исполнилось 15, полных лет, подходить ко мне.

7

Я буду записывать вас, в ряды строителей нового цивилизованного мира. Ваш труд на благо Германии приблизит конец войны, а это значит, что быстрее вернуться домой ваши мужики, одурманенные коммунистами, и насильно отправленные комиссарами воевать.

Вы же этого хотите? Вижу, хотите? А раз так, давайте подходите записываться.

Сельчане замерли в ожидании. Те, немногие, кому исполнилось пятнадцать, опускали головы, стараясь не встретиться взглядами с окружившими их полицаями, мечтая стать невидимыми для них.

Офицер, выждав с минуту, резко выкрикнул команду. В середину согнанных людей, грубо расталкивая их, ринулись полицаи. Не обращая внимания на стоны и плач, они за волосы вытаскивали из толпы девушек, выламывая руки, тащили юношей.

Мать одной из девушек, вцепившись в руку своей дочери, до последних сил, не выпускала ее. Когда полицаи, грубо откинули ее, она упала на землю, и стала кататься в ногах односельчан, воя от горя. Две женщины опустились на колени рядом с ней. Они гладили ее по голове, говорили, какие-то успокаивающие слова, сквозь рыдания и слезы самих.

– Настенька, доченька, кровиночка моя, единственное солнышко мое, – шептали губы упавшей.

Плакали женщины, прижимались к ним, пряча в подолах лицо, младшие ребятишки.

Перед старостой выстроили пять человек – двое парней и пять девушек. За ними, отделяя их, четверо полицаев, направили винтовки в толпу.

– Вам, – начал говорить староста, но за громким плачем и рыданиями людей, его было плохо слышно. Он приложил руку ко рту, потом показал на толпу, показывая офицеру за столиком, что говорить в таком шуме невозможно.

От берез раздалась, перекрывая весь шум гортанная команда. Солдат с автоматом, сдернул его с плеча, и над головами деревенских, пронеслась гулкая очередь.

Людей охватил страх. Втянув головы в плечи, притиснув к себе детей, они замерли.

В наступившей тишине, староста, приложив руку к сердцу, поклонился в сторону офицера.

– Вам очень повезло, – сказал он, пятерым, стоящим перед ним, – Когда с коммунистами будет окончательно покончено, а это событие уже не за горами, вы станете видными, уважаемыми людьми в свободной России. Вот тогда вы с благодарностью, будете вспоминать сегодняшний, такой, знаменательный для вас день. День, начала вашей жизни, в свободной стране, свободными людьми. Запомните этот день, вы еще спасибо мне, скажете, когда вернетесь назад.

– Дяденька, а можно я к маме подойду, – спросила его худенькая, в выцветшем голубеньком платье, почти прозрачном от долгой носки и стирок платье, – Мама моя там плачет. Я одна у нее. Можно я схожу, дяденька?

– Не дяденька, а господин староста, – поправил ее, человек в сером костюме, – надо привыкать, к порядку. А сходить, сходишь. Сейчас я вас запишу, скажу, что необходимо взять с собой, распишитесь, и пойдешь к своей маме.

Услышав эти слова, у стоящих невдалеке людей, затеплилась надежда. Опираясь на руки друг друга, поднялась та, которую уронило в пыль, горе разлуки. Сквозь пелену слез смотрела она с ожиданием, на ненаглядную, свою, Настеньку.

В тоненькую тетрадку, предварительно расчерченную на графы, химическим карандашом, мусоля его во рту, староста аккуратно переписал данные парней и девушек. По тому, как он это делал, было видно, что эта работа знакома ему и приятна.

К нему подошел переводчик, и тихо что-то сказал. Староста аккуратно сложил тетрадь, сунул ее в боковой карман пиджака и легко вбежал на крыльцо сельсовета.

– Сейчас я всех вас отпускаю домой, – сказал он в рупор, ожидавший его на перилах крыльца,

– Отпускаю затем, чтоб вы поделились с родными радостью. Далеко не каждому оказывается такое доверие, и выпадает такая великая честь. Завтра к 8 часам утра я жду вас здесь, готовыми к дороге. Никакие причины неявки не принимаются. Предупреждаю всех – если кто не придет, а надумает спрятаться. Всю семью, а то и всю деревню ждет суровое наказание. Идите.

Люди расходились молча. Под руки вели, еле передвигающего ноги, с окровавленной головой старика. Уходили, не оглядываясь, ощущая спиной опасность, которая исходила от людей с оружием, так неожиданно вторгшихся в их мирную жизнь.

8

Младший лейтенант, который шел за старшиной, поднял руку вверх, приказывая остановиться.

Последние три часа, разведчики буквально продирались сквозь завалы бурелома. Паданцы лежали так плотно, что последнюю сотню метров пути, лавируя между ветками, которые от падения так врезались в землю, что их невозможно было отодвинуть.

И вот выбравшись на небольшое, свободное пространство, командир остановил группу.

– Привал, – повернулся он, к следовавшим за ним. Санька с Алексеем, тяжело дыша от усталости, присели на поваленные стволы. К младшему лейтенанту подошел старшина.

– Еще один такой переход, и дальше голыми пойдем, – показал Алексею, прорехи на маскхалате Санька, – Как тебя Степанович, в такую глушь – то занесло?

– Мелешь языком, что не попада. Какая глушь, – отозвался с обидой старшина, – здесь места на молёные, благодатные, – он достал кисет и с немим вопросом взглянул на младшего лейтенанта. Тот отрицательно покачал головой. Петр Степанович вздохнув, с сожалением убрал кисет, и подошел к Саньке.

– От деревни моей до Опечка, ну, это место такое посреди леса, вроде поля большого, – пояснил он, – испокон веку староверы живут. Еще при Никоне пришли, чтоб веру свою исконную сохранить. У меня жена от них взята. Уводом, правда.

– Как это уводом, Степанович, – спросил полулежащий на стволе дерева Алексей, – украл, что – ли?

– Мы год с ней любились, – не отвечая Алексею, улыбнулся, он своим мыслям. По своему жизненному опыту понимая, что после трудного пути, этим совсем еще пацанам, надо отвлечься, он стал рассказывать,

– Я уже с дедом на выселках жил. Он пасеку держал, ну и я помогал, конечно.

– Это как на выселках, старшина? – спросил младший лейтенант.

– Молодой вы еще лейтенант, но ведь коммунист уже, раз офицер? – спросил прямо Степанович.

– А как же. Член ВКП (Б). Еще на срочной службе вступил, – гордись, ответил тот.

– Ну, тогда, партийные указы знаете. Когда крепкие хозяйства приговорили к ликвидации, кулаков стали по ссылкам гнать. А кто ни к тем, ни к этим, середняки, значит, тех на выселение из деревни. На выселки, значит. Дед – то мой, Степан Иванович, крепким хозяином был, прямая бы ему дорога в северные края. Но спасло его то, что батька мой, председателем стал, ну ясно дело, сначала от отца своего, как от чуждого элемента отрекся. Но когда стали списки кулаков составлять, он его туда не вписал, рука видно не поднялась. Определил его на выселение. Верстах в четырех от деревни, среди леса поляну выделил. Я к нему частенько бегал, а как школу добил, так и совсем поселился. Лес, вот этот вот, и кормил и поил, да и суженную, тоже он, лес, мне подарил.

– Это как? Присужденная вам, что ли? – спросил командир.

– И сказал господь – нехорошо быть человеку одному.... Оставит человек отца своего и мать свою. Прилепится к жене своей; и будет одна плоть, – процитировал старшина, с хитрецей посмотрев на младшего лейтенанта, словно проверяя его.

– Вы мне тут, товарищ старшина, религиозную пропаганду прекратите, – вспыхнул тот, – Мы бойцы Красной Армии, и нам это не нужно, более того, чуждо. Ведь бога нет, выдумки все это.

– А мы и не слушаем, – сказал Санька, взглянув на Алексея. Тот согласно кивнул головой.

– Вы же сами спросили, товарищ младший лейтенант, я вам и ответил. А насчет бога – есть он или нет, тут каждый понимает сам, – посуровел лицом старшина.

– Так чего, Степанович? Встретились, а потом? – выручил всех Санька, уводя разговор в сторону от обсуждения религиозной темы.

– Я потом к ней каждую неделю бегал, спрячемся в гуще и глядим друг на друга.

– И чего весь год в «гляделки» и играли? – не выдержал Алексей.

– Девку порушить ума большего не надо, – ответил старшина, – а жить ей как потом? Строго у нас с этим, а уж у людей старой веры, тем более. Как – то увидели, они, нас в лесу, так две недели ее потом за забор не выпускали, грехи отмаливала. Я тогда чуть с ума не сошел. А когда терпению, конец пришел. Выбрал, ночь потемней, пробрался к ним на хутор, схватил ее в охапку и унес. Причастилась у батюшки. Обвенчались. Двоих мужиков и девку, она мне подарила. Тогда только, родня-то ее смирилась с пропажей, и внуков признала.

– Так это у вас трое детей? – удивленно спросил младший лейтенант.

9

– Четверо, – радостью осветилось лицо старшины, – Первые два сыны, двойники, значит, Петька с Павлухой. Сестра к ним, дочка, значит, Наталья. Младший, еще, Колька. Вернусь, так может, еще, сынка, спвороню, Степкой назову, если господь позволит. Дети они на счастье, радость только от них.

– Прослушали, – хитро усмехнулся Сашка, – кто позволит – то, Степанович?

– Это тебя не касается, кому надо тот и позволит, – ответил за старшину, командир, – а сейчас дети где?

– Старшие воюют, раньше меня ушли. Я – то задержался малость, нас вторым сроком призывали. А Наталья с младшим, в деревне при матери.

– А я вот женится, не успел. Хотели по окончанию курсов свадьбу сыграть, а тут война, – неожиданно с сожалением сказал младший лейтенант.

– Вот вернетесь с победой, весь в орденах, и такую свадьбу закатите, – поддержал его старшина.

– Вернуться сначала надо, – тихо ответил тот, – как дальше пойдём?

– Я вот что думаю командир, – ответил Петр Степанович, – до темноты чуть-чуть осталось, а в темноте нам Гремячий не перейти. Может, здесь заночуем, а с утра двинемся?

– А что это Гремячий? – спросил младший лейтенант.

– Ручей такой, версты три отсюда, издалека слышно как вода шумит, вот Гремячим и зовут. В ширину метра три не больше. Но берега топкие, не подойти, – пояснил старшина.

– До деревни вашей, завтра дойдем?

– Дойдем, а чего не дойти, коль ноги есть. После полудня, как раз и будем. А там дальше по тропке к Заозерью. Дорожка натопанная, можно всю ночь идти.

– Это хорошо, – решил командир, – тогда давайте на ночлег устраиваться. Иванов в охранение,

– приказал он Алексею.

– Пусть отдохнет, – попросил командира Степанович, – я подежурю. Мне в лесу привычней, да и не устал я так, как они.

– Вы тоже не железный, – не согласился младший лейтенант, – а кроме вас, эти места никто не знает. Первый Алексей, а сменит Санька.

Степанович нарубил еловых лап, вместе с Санькой они плотно уложили их, накрыли сверху плащ-палаткой. На эту «пушистую постель» раскинув руки, бросился Санька. Подложив руки под голову, смотря в начинающее темнеть небо, он мечтательно сказал, – Я тоже женюсь. Вот вернусь с войны и женюсь. На героя-то все девки прилипнут, выбирай, не хочу.

– А в героях ты? – спросил присевший на пенёчке офицер,

– Все героями будем, – не стал жадничать тот, – только у вас жены с невестами есть, а у меня нет. Выходит все ко мне, липнуть и будут.

– Тогда конечно, – согласился старшина, опускаясь на «ложе» рядом с Санькой.

– Степанович, а красиво ты сказал, про суженную, и про то, что человек быть один не должен, – Сашка немножко сдвинулся к краю, освобождая побольше места.

– Да не я это, сынок сказал, в Бытие так прописано, – негромко сказал старшина, – истина там прописана. А иначе как? Мужик без семьи, как болтушка ненужная. Он продолжение рода должен обеспечить и за собой закрепить. Ничего поймешь, все еще впереди. Спи, давай, жених, с утра еще долго ноги топтать.

Санька повернулся на другой бок и затих. Слева, от старшины, через некоторое время молча лег лейтенант. Немножко поворочавшись, он тоже, скоро заснул.

Старшина долго лежал с открытыми глазами, к нему в отличие от молодых, сон упрямо не шел...

Ему думалось о том, что завтра он обнимет Талию, припадет к его плечу Наташа, обхватит, его ноги прижимаясь к ним Колька. И как, поцеловав, жену с дочкой, он поднимет сынишку на руки. Самого маленького члена своего семейства, самого дорогого. Вдохнет его уже подзабытый ребячий запах. Думая о семье, и Степановича на глаза навернулись, слезы. Он прислушался к дыханию спящих по бокам товарищей, те ровно дышали, видя свои молодые сны...

Он родился «последышем» в большой многодетной семье. Вырос в любви, но совсем не избалованным ребенком. С пяти лет от роду, его начал брать с собой в лес, дед Степан Иванович. Петр любил отца, любил своих братьев, но деда он боготворил.

10

Деда, который не мог прихлопнуть, даже надоедающую муху, просто отмахиваясь от нее говоря, – живая тварь, тоже чего-то хочет. При всем этом, самый «бодучий» бык Борька, который не терпел никого на своем пути, трусливо сворачивал в проулок, признавая право «сильнейшего».

Степанович улыбнулся своим мыслям, вспомнив, как гордо он вышагивал по деревне, спрятав свою ладошку, в огромной ладони деда. Как на вопрос – И чей это герой? – со всей детской искренностью, отвечал, – Петька, я, Степкин внук.

Сколько себя помнит, он всегда был чем-то занят. Сначала, будучи, чуть выше гусей, гонял их хворостиной к озеру. Став постарше гонял в ночное лошадей. Совсем окрепнув, стал ходить за плугом.

А когда пришла пора, как богом данную, как озарение, как диво дивное, на поляне среди леса, он увидел девушку.

Она сначала онемела, увидев его, внезапно появившегося на краю поляны, потом ойкнув, в смущение закрыла глаза, пытаясь прогнать его, словно видение. А через мгновение, открыв их снова, убедившись что, он наяву, убежала. А в его глазах осталась картина, увиденного чуда, как озарение, появившееся для него, на этой дальней лесной прогалине.

Потом много дней он кружил вокруг этой поляны, с единственным желанием, снова увидеть ее.

А когда увидел, сразу подбежал, схватил за руки, боясь, как бы она скова не растворилась видением, легким облаком на фоне косматых лесных красавиц.

Держа ее за руки, пахнувшие ароматом лесных ягод, смотря в ее глаза, в два озерка небесной синевы, он, преодолевая всю свою робость, тихо спросил, – а как тебя зовут?

И услышал, как и должно было быть, волшебное, прекрасное, необычное, как и то, что держали сейчас его руки, – меня зовут Тайя.

Сказав, она вынула с его ладоней свои руки, подняла с траву берестяной туесок, полный сочной земляники и исчезла за лохматыми лапами елей.

Петр еще долго стоял, смотрю на хвою поглотившую девушку, унимая бьющееся, рвущееся наружу от переполняющей радости сердце. А когда опомнился, побежал поделиться радостью с дедом, всю дорогу повторяя, как открывшуюся, долгожданную тайну, девичье имя Тайя.

Эта полянка, в окружении, словно часовых оберегающих их от посторонних взоров, высоких могучих елей, стала местом их встреч. Они садились у самого ствола самой большой хвойной красавицы, и ее ветви, свисающие до самой земли, давали ощущение замкнутого пространства, чего только своего.

Вдыхая одурманивающий запах хвои, Петр гладил ее светлые волосы, она, почти не дыша, положив голову ему на грудь, с закрытыми глазами слушала его. А он говорил. Говорил о том, что как только управятся с житом, он пришлет сватов, что построят они, рядом с избой деда, свой большой просторный дом...

А однажды вместо Тайи, прибежал ее братишка. Запыханный от быстрого бега, торопясь вернуться назад, он сбивчиво рассказал ему, что кто-то увидел их с Тайей. Теперь за свои грехи, она сидит в молельной избе на покаянии.

Он плохо помнит, как дождался темноты, не помнит, как полз к показанной парнишкой низенькой избушке. Помнит только, как больно били по телу ветки, рвали одежду сучья, когда он бежал назад, бережно прижимая к телу Тайю. Он остановился только тогда, когда увидел в дымке рассвета, проглядывающую сквозь хвою, крышу дедовой избы.

Он устало опустился на влажный мох, Тайя, дремала у него на коленях. Он думал о том, что теперь никогда не расстанется с ней. Золотеющая полоска неба, расширяющая у горизонта, торопила его, и он, не выпуская девушку из рук, поднялся на ноги и пошел к дедовой избе.

Дед, открыв на осторожный стук дверь, ничего не спрашивая, отступил в сторону, пропуская внука в дом. Войдя за ним, показал на металлическую кровать, с горкой подушек. Петр осторожно положил Тайю, и с мольбой взглянул на деда.

– Наша порода, – явно с одобрением сказал дед, – упрямый. Следом не кинулись?

– Тихо было. Мне братишка ее подсобил, – пояснил Петр.

У него не было от деда секретов. Тот никогда не пенял ему, в отличие от родителей, – своих девок пруд пруди, а ему староверку подавай. Он только хмыкал на это в бороду, когда внук рассказывал ему, да смотрел на него озорным помолодевшим взглядом...

11

Послышался хруст хвои под ногами. Алексей, разбудил Саньку, с силой толкнув в плечо.

– Давай на смену, – прошептал он, когда тот открыл глаза.

Санька, встав с лапника, поднял лежащий рядом автомат. Подергал плечами, сбрасывая остатки сна, и тихо ушел в темноту.

На примятую «постель» лег Алексей, увидев, что старшина не спит, прошептал извиняющим голосом, – Разбудил, Степанович?

– Да нет. Не спал я. Сон чего-то не идет. Год в родных местах не был, вот душу и бередит, – ответил, так же шепотом тот, – А ты давай покемарь, совсем ничего осталось.

– А далеко еще?

– Да нет. Это по дороге далеко, а по лесу идешь, так незаметно. Оглянуться не успеешь, как на месте будем.

– Незаметно это точно. День протопали, а как был лес кругом, так и есть, – зевая, ответил Алексей.

...К полудню в деревню пришли искать пропажу. Двое, заросших бородами по самые глаза, кряжистых мужиков, встали напротив родительского дома Петра, с ожиданием смотря на окна.

Первой их увидела сестра Петра, вышедшая с ведрами на крыльцо.

– Тятя, там к нам кажется, лесовики пришли, – вернувшись в дом, сказала она отцу. «Лесовиками» в Борке и соседних деревнях называли всех, кто жил в лесу, и староверов и отселенных.

– Пойду, гляну, – поднялся из-за стола, Степан Степанович, думая, что к нему, как к председателю сельского совета, пришел кто-то с выселок. Взяв со стола кiset с самосадам, на ходу скручивая самокрутку, он вышел на крыльцо.

Увидев гостей, на секунду остановился в недоумение, кхекнув от неожиданности, пошел к ожидающим.

– Ты, Степка, с табачищем, повремени пока, – встретил его суровый взгляд, старшего из мужчин, у которого величавая борода, густо отливала серебром седины.

Степан Степанович, с сожалением высыпал табак опять в кiset, туда же сунул неиспользованную бумагу. Отряхнул руки.

– Чего приперлись, божьи заступники? Или нужда к Советской власти обнаружилась? – спросил он, у того, кто назвал его Степкой.

– Власть на земле от бога, все остальное от сатаны, аллилуйя, – ответил Савватей, глава старообрядческой общины, дважды перекрестившись двуперстием. Так же поступил и его попутчик.

– Так ты чего? Опять лаяться будешь? – недовольно спросил Степан Степанович, – смотри, у власти хошь она и народная, терпение не безразмерное.

– Оголец – то твой, внучку мою Тайю, силой увел, – глухо сказал Савватей.

– Первый раз слышу, – озадачился отец Петра.

– Сегодня ночью. Мы поздно хватились. А так бы к тебе не пришли за помощью, сами бы разобрались – пояснил Савватей.

– Ты мне тут, давай, свои законы не устанавливай. Сами бы они разобрались. Советская власть у нас, по ее законам и живем. И я как ее полный представитель, запрещаю вам «отсебятину» гнать. А иначе, недолго и в кутузку загреметь, – предупредил его Степан Степанович.

– Коли властью себя зовешь, вот со своим выблядком и разберись, – Один бог вечен, – перекрестился Савватей, поминая бога, – А мы твари божьи все ему служим, и он решает, сколько, кому отведено.

– Если мой Петька, и умыкнул твою внучку, Савватей, то уж точно не насильно, – Я своего сына знаю. Слюбились они, выходит. А если так, то я своего сына, к вам на веревке не поведу.

– А ты его позови. Мы сами спросим, – сказал рядом стоящий с Савватеем мужик, годами моложе, чертами лица, похожий на него.

– Откуда же я его позову? Петька давно у деда на выселках живет. Мимо шли, чего же не зашли?

– усмехнулся Степан Степанович, – Или совсем мхом заросли?

Савватей, вместе со своим спутником, не отвечая председателю, пошли в сторону леса.

Степан Степанович, когда те отошли на приличное расстояние, достал кiset, свернул самокрутку, глубоко с наслаждением вдохнул в себя дым.

12

– Ну, Петька, ну хват. Добился все – таки своего, окрутил девку, – подумал он о сыне, – надо сходить посмотреть, не натворили бы чего лесовики.

Дед, увидев в окно, подходящих к дому двоих мужиков, в наглухо застегнутых черных суконных однорядках, пошел к выходу из дома, крикнув внуку, – Сиди, не высовывайся. Без тебя разберусь.

– Мира и благодати, вам, люди во Христе. Какая нужда привела вас ко мне? – подошел он к мужикам, поздоровался.

– Мир твоему дому, Степан, – ответил на приветствие Савватей, – а потом спросил прямо, глядя в глаза, – Внучка моя у тебя?

– У меня, – так же прямо ответил дед Петра, – Не отдам я девку Савватей, что хочешь, делай, но не отдам. Любят они друг друга, давно любят.

– погоди Степан, отказывать, мы с тобой всю жизнь друг друга знаем. Не стану я зло внучке делать, если душа ее так решила. Но пусть, она сама мне, об этом скажет.

– Сейчас позову, – согласился с таким решением Степан Иванович, направляясь к дому.

– Спасибо отче, ведь дочь она моя, – поблагодарил Савватея, рядом стоящий мужик, – Не надо ей худа.

Савватей не ответил, погруженный в свои мысли, он пристально смотрел на крыльцо дома.

Первым, держа Тайю за руку, с крыльцо спустился Петр, полный решимости, биться с кем угодно – с богом, с чертом, с сатаной, но никому не отдать свое синеглазое сокровище.

Тайя, упала на колени перед дедом и отцом, потянув за собой и Петра. Он, не желая опускаться на колени, оглянулся на своего, стоящего на крыльце деда, тот кивнул головой, призывая к смирению.

Опустившись рядом с Тайей, он услышал, как она шепчет, – Простите меня грешницу, но люблю я его, богом он дарован мне.

Она дважды перекрестилась двуперстием, дважды прошептала, – Аллилуйя, – и застыла в низком поклоне перед отцом и дедом.

Петр, смотря на мужиков, заметил, как накрыла поволока их глаза. Как дернулась рука отца, чтоб погладить девичью голову. Дернулась, но не решилась.

– Отринешь ли шепоть антихриста, отрок? – спросил Савватей, смотря в упор на Петра, – будешь ли истинную веру почитать?

– Крещенный я в вере, бога отца, сына, и святого духа, прославляю и благодарю. Аминь, – перекрестился он, троеперстием, – Никогда не отрекусь.

– Батюшка, родимый мой, – обратилась Тайя к отцу, – люб он мне. Не губи, батюшка, – завывала она, уткнувшись лицом в траву.

Савватей, двукратно перекрестившись, молча развернулся и пошел от дома, за ним отец Тайи.

Петр, не вставая с колен, смотрел, как шли они, вдоль, отвоеванной им с дедом у леса, пашни. И только когда они скрылись в лесу, он ласково погладил рыдающую Тайю, – ушли они, Таюшка, к себе ушли.

Девушка подняла голову, заплаканными глазами посмотрела на лес, понимая, что от нее ушло все, чем жила она, до этого ночного побега. Ушла семья, где она выросла, ушли родители, которые вырастили ее, ушли братья и сестры, с которыми она, так любила играть. Она распрощалась со всем, ради Петра, веря своему женскому чутью, что он единственный, с кем она будет счастлива.

Подошедший дед, помог Петру, поднять Тайю и увести в дом. Положив ее на кровать, они оставили ее со своими мыслями, понимая, что ей нужно побыть одной. Плотно задержали на дверном проеме занавеску, и прошли на кухню.

– Мудрый Савватей, – достал Степан Иванович, кисет с самосадам, – Всю жизнь его знаю, а кроме благостных слов, ничего о нем сказать не могу.

Они горкой насыпали на полоски бумаги табак, свернули сигарки, проклеив языком. Дед, что не мешать девушки, даже не стал стучать кресалом, а достал неприкосновенный коробок спичек.

Дав прикурить внуку, прикурил сам.

– Ты чего, дед. Спичек полкоробка осталось? – удивленно спросил Петр.

– Шуметь не хочу. Может, вздремнет чуточку девка, – ответил тот, – Ты хоть понял, что Савватей, тебе, внучку свою от сердца оторвал. Видел я, не хотел он, а отдал. Сильно, видать, любит.

13

Мудрый он Савватей, – повторил Степан Иванович, – Не захотел девке жизнь гробить.

В дверь дома постучали. Слегка закрипев, она открылась, в проеме появился Степан Степанович. Переступив порог, он в нерешительности остановился, глядя на своего отца.

С тех пор, как сын, став председателем, отрекся от него, он перестал общаться с ним, прекратил ходить в деревню. Когда упорно звали, и отказываться было совсем никак, прикидывался немощным. Но даже не отречение сына, не назначение на должность, повлияло на его решение. Еще до этих событий, сын Степка, стал для него чужим. Это случилось тогда, когда по деревне стала прогуливаться молодежь, во главе со своим вожаком Степаном, разучивая революционные песни. Под эти песни, они по команде уполномоченного с района привязали веревки к купольному кресту на старой сельской церкви. Степан Иванович, вместе со всеми наблюдал, как вязали они, концы веревок к коням, как выстрелами из нагана, разгонял уполномоченный, бросившихся помешать баб. Женщины завывали в горе, когда крест, крутнувшись в падение, низвергнулся, глубоко вонзившись в землю.

А Степка его, сын, первый подбежал, и начал раскачивать его, чтобы вытащить, и увезти.

– Степа, как же так, ведь он же сын твой? – спросил у него, рядом стоящий Никифор.

– Нет у меня больше, такого сына, – ответил он...

Сейчас Степан стоял на пороге и в ожидании смотрел на него.

– Что столбом встал? Не узнаешь? – наконец раздалось с кухни.

– Ба..., – хотел привычно назвать отца «батей», Степан Степанович, но вспомнив о запрете, обратился по имени, отчеству.

– Степан Иванович, лесовики приходили, девка у них пропала. На Петра нашего думают, – сказал он, так и не решаясь ступить дальше порога.

– У них, не как у тебя, у них голова есть, вот и думают. А у тебя нет, вот и бегаешь, вора ищешь, – хмуро глядя ответил отец.

– Забегашь, – ответил Степан Степанович, – не абы кого, Петьку ищут, а он сын мне.

– За шкуру ты свою переживашь, а не за сына. Думаешь, как бы чего не случилось, да отвечать не пришлось. Но это дело твое, а от меня – то ты чего хочешь? Чтоб девку нашел?

– Так ба... Степан Иванович, спросить они у нее хотят, насильно увел или как?

– Спросили уже. Так что батя, зря ты сюда бежал, – вышел из комнаты весь светящийся радостью Петр.

– Были уже? Оpozдал, значит, – догадался Степан Степанович, – А ты значит радостный? Свои девки побоку, вон, какие, ядрёные по деревне ходят, а тебе, значит, из леса подавай. И сколько можно у деда жить? Своего дома нет? Мать там волнуется, а тебе хоть бы что?

– А чего волноваться, я маленький, что ли? Да и не в чужих людях живу. У деда своего, – твердо ответил Петр, – и некуда отсюда не пойду.

Степан Степанович ступешался от такого ответа сына, хотя другого и не ждал. Он замялся, не зная, что ответить. Постояв с минуту молча под неприветливыми взглядами отца и сына, переступив с ноги на ногу, тихо выдавил из пересохшего от волнения горла – Так, я чего? Пойду?

– А чего спрашиваешь? – отозвался его отец, – Мы тебя сюда и не звали. Сам прибежал, сам и иди. Никто тебя не держит.

Степан Степанович, молча переступил порог и закрыл за собой дверь.

– Ты домой-то сбегай. Этот – то ладно, – кивнул он на закрытую сыном дверь, – а с матерью повидаться надо. Переживает она за тебя.

– Сбегаю дед, обязательно сбегаю, – успокоил он Степан Ивановича, – А с Тайей – то чего? – у Петра, не поворачивался язык, назвать по иному, более привычно Таисией, как сразу стал называть ее дед. Ему нравилось произносить необычное имя Тайя, – на кровати лежит, молчит, лицо в подушку спрятала.

– Не суетись, пускай отлежится, – посоветовал дед, – ей нелегко сейчас...

Петру показалось, что он всего на миг закрыл глаза. Когда снова открыл, в просветах еловых лап начинало светлеть небо. Откинув плащ-палатку, поднялся. Сделал с десяток шагов, помахал руками, чтобы согнать остатки сна.

Легонько толкнул Алексея, – Пора.

14

Наскоро перекусив двумя банками тушенки, запив родниковой водой из фляжки старшины, пару минут постояли молча. Командир, осмотрев группу, шагнул вперед...

– Доченька, цветочек наш лазоревый, разве для того мы тебя растили, чтоб ты сгинула в неметчине этой проклятой. Кто же думал, что силой такой, придут они к нам. А раз допустили, то теперь затаится, не перечить, не гневить иродов этих надо. Сохранить себя, выжить главное, доченька, выжить. Ты о доме, родном, думай. О папке, о братьях, о нас с Колькой, – причитая, укладывала рогожный мешок с наскоро пришитыми ляжками, Таисия.

– Покорись, всему покорись Наташенька, потерпи, дитяtko мое родное, потерпи. Покорные – то, они всех переживут. Видишь, в силе пока, они, вражины. Пока в силе. Но рано или поздно сломают им хребет. Сломают доченька, у нас ведь и не таким ломали. Тогда сразу и домой вернешься. Может и вместе с папкой, да братьями, они ведь за тобой в эту проклятую Германию придут. Обязательно придут, доченька, ты верь и жди этого часу. И помни – вернуться надо, доченька, моя ненаглядная, домой вернуться надо, – затянула горловину мешка, Таисия.

Наташа, давясь слезами, сидела на лавке у окна. Выплаканные до доньшек глаза видели только черную мглу безысходности. В первый раз за свою девичью жизнь, она желала, чтоб никогда не наступал рассвет. Она боялась приближающегося утра, несущего ей уход в невольную неизвестность, разлуку с родным домом, может быть вечную разлуку.

– Доченька, кровиночка моя, а вдруг заглянет домой папка, по пути к тебе? Что я ему скажу? Что к себе тебя угнали, не люди эти? А я не смогла уберечь, зореньку нашу. Лихо, Наташенька, ох, лихо. Горе горькое, доченька по земле идет, и нас своим крылом задело. И сделать ничего нельзя. Что мы, бабы можем сделать, если мужики наши, не справляются? Нанесло на нас эту напасть. Смогла бы я тебя спрятать, так спрятать, что никто бы не нашел. Но ведь людей они, доченька побьют, им, зверям этим нипочем. Вон, Никифора, старика, и того не пожалели. А чего он им сделал? За корову свою вступился? Сама – то я, на смерть лютую, готова, только бы тебя спасти. А с Коленкой, что будет. Куда его – то, Наташенька? – Таисия прижала ладони к глазам, и глухо зарыдала, ткнувшись, дочке в колени.

Наташа, обняв маму, завывала в голос. Подбежал проснувшийся Колька, увидев, как плачут мать с сестрой, стал всхлипывать, вытирая ладошками, катящиеся по щекам капельки слезинок.

Старик очнулся в потемках. Долго лежал в темноте с открытыми глазами, восстанавливая в памяти события вчерашнего дня. После удара в голову, прикладом винтовки, в памяти был провал. Он пошевелил руками, подвигал ступнями ног. Провел рукой по лицу, пощупал голову, под ладонью ощутил повязку. Пальцы наткнулись на плотные пятна – засохшую, проступившую сквозь ткань кровь.

– Вот курва, – в тишине ругнулся старик, – малость в висок не заехал.

Пошарил руками вокруг, в надежде найти, на что можно опереться, чтобы встать. Загрел мелом, падая ведро. Сразу же за занавеской, разделяющей комнату, зажгли лампу.

– Тихо, Никифор, тихо, – отодвинув занавеску, прикрывая стекло лампы рукой, появилась перед ним женщина. В колеблющем свете он увидел Татьяну, родную сестру, умершей жены, чей дом стоял рядом с его собственным домом. Их дома разделяли несколько метров, да полоса густо разросшихся плодовых кустарников на них.

– Татьяна, а как я у тебя оказался? – спросил старик.

– Так решили мы тебя ко мне под пригляд. Люди помогли, принесли. Чтоб ты сейчас один – то делал? – ответила Татьяна, ставя лампу на табуретку, присаживаясь на краешек койки.

– Сильно меня, ворог-то шибанул?

– Повезло тебе. Ружье-то по лбу скользнуло, кожу только содрало. Со всей силы ведь бил, убить ведь мог. Молодой, силы некуда девать.

– Повезло Татьяна, – везучий я выходит. Сколько раз убивали, а я все живу. Бережет меня ангел – хранитель мой, – невесело усмехнулся старик, вспоминая...

15

Первый раз, его попытался убить, японский солдат, в атаке на деревню Сандепу. Он бежал ему навстречу, держа у пояса винтовку, с примкнутым широким ножевым штыком. Видно опытным солдатом был японец.

Отбив его винтовку в сторону он сделал выпад. Спасло его чудо – враг поскользнулся на промерзшей бесснежной земле, и его длинный штык, способный проткнуть насквозь, лишь скользнул по ребру, пропоров бок. Падая, он каким-то невероятным усилием сумел дотянуться до лежащего японца, игольчатым штыком «мосинки». Они так и лежали рядышком, смотря друг на друга. Навсегда ему врезались в память медленно, затягивающие смертельной пленкой, потухающие глаза умирающего японца. Когда русский полк, отхлынув назад в результате безуспешной атаки на маньчжурскую деревню, его промерзшего насквозь в обледенелой, заскорузлой от крови шинели, подобрали однополчане, он уже был готов к расставанию с жизнью.

В госпитале, по завязку набитому ранеными, ему наскоро заштопали бок, дали недельку отлежаться, и отправили назад в полк, велел присматривать за раной и ходить на перевязку в полковой лазарет.

Второй раз на его жизнь посягали уже немцы, когда он, уже младший унтер – офицер, кавалер солдатского «Георгия», вырвался со своей частью из окружения под Вильно. Он, почувствовал удар в спину, даже не успел упасть. И опять его спасли, вынесли из-под шквального огня, укрепленных позиций германцев, его боевые товарищи.

Везло ему несказанно. То ли повезло на товарищей, то ли просто истово молились за него, оставшиеся дома мать и жена. Или может, очень ждал его с фронта, родившийся без него, их с Антониной, первенец Гришка. На излете уже была ударившая под лопатку пуля.

Изнеможенный, казалось до смерти, уставший врач, просто щипцами выдернул ее, показав ему со словами, – Хороший хранитель у тебя, солдат, остановил твою смертушку.

С войны не дезертировал. Ушел лишь после того, как их командир, лично не раз, поднимающий полк в атаку, застрелился. Застрелился, перед этим отказав посланцам Керенского.

Они приехали с приказом, развернуть полк на подавление тонущего в безумных волнах революции Петрограда.

После похорон, уважаемого солдатами командира, больше половины полка, прихватив оружие, разошлись по домам. Подумав, покинул казарму и он, окончательно для себя решив, что за две войны наглядился он на смерти и настрелялся досыта. Винтовку свою, прихваченную из полка, он продал на станции мужику, бойко торгующему мутным самогоном. Домой пришел с коротким кавалерийским карабином, выигранным в эшелоне у пьяного артиллериста. Больше он не воевал, а далекие революционные события, их деревню Борок, пока обходили стороной.

Но это время скоро прошло, и стали в Борок заскакивать разъезды, то красных, то белых, то неизвестно каких, но злых и вооруженных. Стали всем сразу нужны фронтовики – одним, чтоб власть вернуть, другим, чтоб сохранить, а третьим, просто успеть наgrabить, да нагуляться вволю в мутном бурлящем российском бунте.

От мобилизации в «красные войска» защитников угнетенных и всего мирового пролетариата, помог ему уклониться случай. Заскочил к ним по весне отряд «красных революционных конников», в командире которого он признал своего бывшего однополчанина вольноопределяющегося Тиханова. Под разговоры, которые растянулись до утра, они выпили почти ведро самогона. Утром, еще пьяный «красный командир» нетвердой рукой написал ему на клочке бумаги, что он, «как пострадавший за дело революции в мировом масштабе мобилизации не подлежит». Он помог бывшему сослуживцу забраться на лошадь, а бумагу спрятал подальше.

С «их благородиями», ему, кавалеру георгиевского креста и георгиевской медали общаться было легче. Звеня наградами, одетыми по случаю, перед поручиком, отдавшим, ему как кавалеру честь, он задрал рубаху. Увидев сбоку на его теле косою красный бугристый шрам, офицер спросил, – Осколок?

– Самурай штыком благословил, – ответил он, – у меня еще есть отметины, от немцев, правда, показать?

– Не надо и так вижу, славно служил, – кивнул поручик на награды. Самого беспокоить не будем, а коня вашего заберем. Война идет, должен понимать.

16

– Могли бы и не спрашивать, понятно, что заберете. Жалко конечно, коня, но воля ваша, – согласился он, – Только не понимаю я этой войны, ваше благородие. Когда брат, брата давит, что ж это за война такая? А закончится она когда. Когда всех русских изведут? Так нас уже итак полегло немерено.

– Здесь ты не одинок, – ответил поручить, махнув рукой солдатам, чтоб забирали коня, – Только нас с тобой, кавалер, никто не спрашивает...

А к середине лета восемнадцатого года, когда совсем остервенели в лютой грызне Гражданской войны обе гвардии, и красная, и белая, бессмысленно и бездумно сжигая в братоубийственной драке тысячи жизней. Когда стали уже не разговаривая, насильно ставить в строй, пополняя свои поредевшие шеренги «гвардейцев», за отказ, на месте, награждая пулей. Вот тогда и подался Никифор, вместе с десятком таких же, как он фронтовиков в лес, прихватив с собой и сыновей призывного возраста. Службу дозорную и разведывательную они изучили на войне, знали это дело досконально. Все смутное время внутренней войны они пересидели в лесу, изредка навещая семьи, не желая больше проливать ничьей крови, ни «белой ни красной», а тем более своей, за чужие непонятные им идеи.

– Упокоился ангел твой, – задумчиво сказала Татьяна, – так что в этот раз, тебе просто повезло.

Это она, про сестру родную Антонину, Тоню, жену его венчанную. Сорок шесть лет прожили, душа в душу, троих сыновей ему подарила. А вот не выдержало материнское сердце, когда еще в первые месяцы войны, пришли похоронки одна за другой, на всех троих сыновей.

После меньшего-то уже и не встала. Помучалась с недельку и тихо угасла, как свечка. Одного его оставила на этом свете, совсем одного.

– Оставила меня, Тонюшка, думал следом уйду, – от воспоминаний, на глазах старика появились слезы, – так нет, живу вот все. А зачем живу? Чтоб этот германец вонючий, меня по голове прикладом бил? Жалко не дали нам добить их в шестнадцатом годе. Домой мне надо Татьяна, – захлестнула его злость, напоминая о карабине, зарытом в подполе.

– Сейчас никак нельзя. Немцы с извергами нашими, что на их сторону перебежали, всю деревню окружили. Вроде среди них бабы Митьку Николаева с Забродья опознали, точно тебе не скажу, но толкуют, что он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.